

Коммунарское движение¹

Игорь Петрович Иванов,
доктор педагогических наук,
профессор, академик АПН СССР

В статье приводится первая часть седьмой главы докторской диссертации И.П. Иванова «Творческое содружество поколений как условие воспитания юных общественников», в которой рассказывается о начале уникального для мировой педагогической науки социально-педагогического эксперимента по проверке технологии развития личности в процессе организации коллективной творческой деятельности. Этот эксперимент стал началом возникновения неформального социально ориентированного детско-молодёжного, а затем педагогического движения.

• инициатива и самостоятельность школьников
• Союз Энтузиастов • Коммуна юных фрунзенцев • лагерный сбор • сборы-«огоньки»
• старшие друзья • сводная дружина • коллективные творческие дела

Изучая причины недостаточного развития инициативы и самостоятельности пионеров, члены Союза Энтузиастов обратили внимание на характер работы по обучению и воспитанию выборного пионерского актива в школе и вне школы. Эта работа строилась обычно как передача активистам готовых знаний, умений и навыков, которые они должны были усвоить, и затем, в свою очередь, передать «рядовым» пионерам и октябрятам. Отношения, в которых находились в этих случаях пионерские работники и активисты, а также — как следствие — активисты и остальные пионеры, представляли собой, по сути дела, ещё одну разновидность системы чрезмерной опеки.

Придя к такому выводу, мы разработали — в начале 1959 года — программу новой стадии экспериментального исследования, целью которой было преодоление указанных явлений и осуществление отношений творческого содружества пионеров и их старших товарищей в условиях районной школы пионерского актива, как ведущего условия развития у пионерских активистов стремления и способности «улучшать окружающую жизнь и думать о том, как это сделать»

¹ Первая часть седьмой главы докторской диссертации И.П. Иванова «Творческое содружество поколений как условие воспитания юных общественников» — с. 357 — 392.

(Н.К. Крупская), быть настоящими вожаками пионеров и октябрят.

В качестве базы экспериментальной работы был выбран Фрунзенский район г. Ленинграда, в котором старшими вожаками и сотрудниками Дома пионеров работали несколько членов Союза Энтузиастов (Л.Г. Борисова, Ф.Я. Шапиро, М.А. Новогрудская и др.). Ключевым приёмом эксперимента послужило превращение школы пионерского актива Фрунзенского района в постоянно действующий сводный коллектив представителей всех школ района, пионеров и вожатых, отрядных и старших, и их руководителей.

Такой коллектив (сводная дружина) был составлен — по числу школ в районе — из 30-ти звеньев (от каждой школы — сводное звено в количестве 10–15 человек: председатель и члены совета дружины, члены комитета ВЛКСМ, ответственный за пионерскую работу, несколько отрядных вожатых); звенья объединялись в десять отрядов: в каждый отряд входили три звена — соседних школ. Старшие пионервожатые становились вожаками сводных отрядов и друзьями «своих» звеньев.

Руководство Дома пионеров приняло наше предложение о проведении на весенних каникулах вместо обычных занятий с пионерским активом и — отдельно — со старшими пионерскими вожаками — **первого лагерного сбора** сводной дружины — не по готовому, составленному для неё плану мероприятий, а по методике коллективной организаторской деятельности, ранее разработанной и испытанной нами на базе лагерной в школьных пионерских дружин и включавшей как «узловые» организаторские дела (конкурс на лучшие предложения к плану, разведка дел и друзей, общий сбор — высший орган жизни коллектива, «Смотр дружбы»), так и средства **повседневной** коллективной организаторской деятельности, текущего планирования в единстве с контролем и оценкой хода работы (советы дел, сменность руководителей микроколлективов, дежурное звено и др.).

В первой половине марта 1959 года в Доме пионеров состоялись сборы — встречи сводных отрядов, на которых происходило взаимное знакомство, выбирались вожа-

тые звеньев и помощник вожатого отряда, сообща придумывались названия отряда и значок-эмблема его членов, объявлялся конкурс на лучшие предложения между звеньями к плану жизни отряда и сводной дружины на её первом лагерном сборе (в течение шести дней весенних каникул) и давался старт «разведке дел и друзей».

Из 30-ти школ Фрунзенского района только в трёх — 317-й, 321-й и 316-й, где работали члены СЭНа Л.Г. Борисова, Л.А. Новогрудская и И.В. Лаврова, отрядные вожакие и члены совета дружины были знакомы с системой коллективной организаторской деятельности и использовали её на практике, остальные старшие пионервожатые знали об этой системе только по нашим докладам и рассказам, а их воспитанники, естественно, не имели о ней никакого представления.

Поэтому сборы-встречи (проводившиеся Людмилой Глебовной Борисовой, переведённой на работу в Дом пионеров в качестве заведующего учебной частью), и, главное, то отношение уважения к требовательности к участникам этих встреч, как **товарищам** по общей творческой заботе об улучшении жизни пионерской организации района, которое было проявлено Л.Г. Борисовой и в прямом обращении, и в коллективном оформлении «лица» сводных отрядов, в рассказе о возможных (но отнюдь не навязываемых) — «на выбор» — делах на предстоящем лагерном сборе и особенно — в практической организации действительно совместного планирования обора (конкурс и разведка), произвела сильное впечатление на школьников и старших пионервожатых и была причиной общего интереса, который вызвала у них перспектива лагерного сбора, ставшая по-настоящему радостной.

Лагерный сбор открылся 24 марта в Доме пионеров общим сбором сводной дружины. После вступительного слова Л.Г. Борисовой и утверждения состава Совета — из вожатых сводных отрядов и звеньев, которые были представлены всем делегатам, отряды разошлись по «своим» комнатам, где подвели итоги разведки звеньев и выбрали из их предложения наиболее удачные — для отряда и для всей дружины.

Затем всё снова собрались в актовом зале, слушали выступления представителей от-

рядов, провели «летучие» совещания, по звеньям, определяя своё отношение к предложенным для дружины делам, и после дополнительных выступлений с «защитой» (раскрытием) некоторых дел — выбрали голосованием «узловые» дела на каждый день лагерного сбора. В заключение был объявлен конкурс — тоже по предложениям отрядов — на лучшие названия сводной дружины, девиз, значок эмблему, законы-заповеди и песню-гимн. Итоги конкурса было поручено подвести совету дружины на третий день лагерного сбора.

Энтузиазм, с которым **сразу** же после общего сбора его участники принялись за первое практическое дело, ими же самими включённое в план, — за наведение «блеска» во всех помещениях Дома пионеров, атмосфера взаимного уважения, обстановка реальных отношений, заботливого сотрудничества школьников (от самых маленьких членов советов дружин — пятиклассников — до «солидных» комсомольцев-девятиклассников) и взрослых, увлечённо работавших бок о бок с ребятами и вместе с ними шутивших, певших задорные песни, обменивавшихся впечатлениями, мечтами («Так бы всегда!»), мыслями о том, что объявленном конкурсе, добросовестность и находчивость, с которыми выполнялись самые неприятные операции, — всё это было лучшим доказательством того, что наша методика пришлась «по сердцу» посланцам школ района, что наш «реактор» начал действовать.

Каждый день лагерного сбора обогащал всех его участников новыми проявлениями общей заботы об окружающей жизни и своём коллективе, друг о друге. Вслед за «субботником» в Доме пионеров (забота о **собственном** доме!) был проведён «рейд» к друзьям, «найденным» во время разведки звеньев, — каждый отряд пришёл «в гости» к одному из «взрослых» коллективов района (в типографию, на фабрику, в воинскую часть и др.), познакомился с его жизнью, рассказал о создании сводной дружины, выступил с концертом, а затем снова состоялся субботник — но уже на строительстве жилого дома: с импровизированным митингом, оркестром, песнями и дружной работой четырёхсот коммунаров. Да, к последнему дню лагерного сбора наша сводная дружина имела уже своё название, принятое по нашему

предложению Советом и одобренное всеми отрядами: «Коммуна юных фрунзенцев» или, сокращённо, КЮФ. В этом названии выражалась и преемственность наших традиций, идущих от школ-коммун 1920-х годов, в особенности, от Коммуны имени Дзержинского, и наша главная мечта, ведущая идея нашей жизни.

Совет Коммуны юных фрунзенцев после тщательного обсуждения предложений отрядов принял в качестве девиза КЮФ слова Михаила Васильевича Фрунзе, которыми замечательный советский полководец заканчивал свои боевые призывы: «Смело и бодро вперёд! Победа во что бы то ни стало!» (мы перечитали, готовясь к конкурсу, все эти приказы), установил несколько законов-заповедей коммунаров-фрунзенцев, в том числе такие: «Будь, коммунар, новой жизни творцом, за дело Ленина смелым бойцом!», «В коммуне друзья живут без "Я": всем на удивление одно местоимение "Мы"», «В коммуне жить — с песней дружить», решил, что КЮФ будет систематически проводить на школьных каникулах свои лагерные сборы — весенние, летние и зимние.

Принятие этих решений побудило нас — по договорённости с товарищами из Совета коммуны — составить проект «Устава» нашей сводной дружины, где, кроме указанных положений и предваряя их, были сформулированы основные задачи КЮФ (в которых конкретизировался общий замысел эксперимента):

- 1) быть ударным отрядом районной пионерской организации, инициатором и организатором полезных и интересных дел всех пионеров района;
- 2) быть образцом полнокровной пионерской жизни — труда, учения, закалки и отдыха — для каждого звена и отряда, для каждой дружины в своём районе;
- 3) быть дружной семьёй комсомольцев и пионеров, любящих пионерскую работу, стремящихся жить и работать по-коммунистически;
- 4) быть кузницей кадров пионерских активистов, вожатых и верных друзей пионерской организации — в настоящем и будущем.

Этот проект обсуждался в отрядах, был одобрен ими и Советом КЮФ. Процесс создания коммуны юных фрунзенцев был

завершён в последний день лагерного сбора, когда на торжественной линейке, происходившей в актовом зале 317-й школы, первый секретарь ВЛКСМ тов. Соколова вручила Коммуне знамя районной пионерской организации, как символ её — авангарда той организации — чести и ответственности.

На линейке был зачитан текст письма Коммуны к райкому комсомола с обещанием выполнить свои задачи и, прежде всего, возглавить ударную работу пионерских дружин ко дню рождения В.И. Ленина.

В этом письме говорилось и о том практическом деле, которое было задумано в Совете КЮФ, обсуждалось на отрядных сборах и было единодушно принято всеми коммунарами: подготовить во всех школах района подарки — книги, игры, наглядные пособия — для учащихся и педагогов Ефимовского района Ленинградской области, подшефного Фрунзенскому.

Финалом первого лагерного сбора Коммуны юных фрунзенцев стал праздник, посвящённый её созданию и состоявшийся после торжественной линейки.

Как было решено ещё на общем сборе-старте, при коллективном составлении плана лагерного сбора, каждый отряд готовил свой подарок-**сюрприз** сводной дружине. Этот приём, взятый из опыта нашего Союза энтузиастов, оказался и в новых условиях удачным средством организации действительно общей творческой заботы о каждом отряде, о каждом — большом и маленьком — участнике нашего сбора, заботы, в которой каждый старший пионерский вожатый действовал вместе со своими воспитанниками и **впереди** них.

Коммунары радовали друг друга шуточными сценками и целыми композициями (изображая события, происходившие во время лагерного сбора, и давая тем самым своеобразную оценку своим действиям, успехам и неудачам), стихами и «былинами», частушками и песнями собственного сочинения, выражавшими их стремление к дальнейшему развитию содружества, памятными значками, рисунками, макетами...

Кульминацией взаимных сюрпризов оказался подарок, сделанный отрядом, который возглавляла старшая пионерская вожатая

Тамара Шевченко. После того как её отряд спел песню на мотив «Мы кузнецы» («Мы фрунзенцы, мы коммунары, нас дело Ленина ведёт»...) и тут же повторил её — настолько она всем понравилась, помощник вожатой отряда, комсомолец-девятиклассник, сказал: «Мы сочинили эту песню для себя. Но теперь мы живём по закону "Нам дорог отряд, но коммуна — дороже" и потому дарим её всем коммунарам, пусть она станет нашей общей песней». Трудно описать, какую реакцию вызвали эти слова у собравшихся в зале. Все встали и, дружно подхватывая — за авторами — припев, впервые исполнили свой гимн, до сих пор воодушевляющий новые и новые поколения «юных фрунзенцев».

Как подарки друзей были восприняты в этой обстановке выступления взрослых: заведующего районным отделом народного образования тов. Высокоостровского, заслуженного артиста республики А.М. Кожевникова и других почётных гостей праздника. В их словах звучало искреннее и глубокое удовлетворение происходящим, выражалось желание помогать Коммуне, вера в её творческие силы, в её способность выполнить самые трудные задачи.

Ещё более откровенными — в признании неожиданно открывавшихся воспитательных возможностей — были представители районных организаций в беседах с нами, которые велись по ходу всего праздника. Но, пожалуй, сильнее всего — в эмоциональном отношении — значение **перелома**, происходившего в сознании руководителей «юных фрунзенцев», выразила Фаина Яковлевна Шапиро, методист Дома пионеров, в прошлом — старшая пионервожатая с десятилетним стажем, сказавшая нам по окончании праздника: «Да, теперь я верю, что с ребятами **можно** работать по-другому, совсем не так, как я работала раньше. И **нужно**...»

Действительно, наше предположение о том, что уже первый лагерный сбор сводной дружины станет **новой** школой не только для подростков, но и для взрослых, полностью подтвердилось. Как мы и рассчитывали, пионеры и комсомольцы, старшие пионервожатые и районные руководители на собственном опыте постигали воспитывающую, вдохновляющую на решение труднейших общественно важных задач, силу

отношений творческого содружества старших и младших поколений, учились строить такие отношения в разнообразных организаторских и практических действиях, в многостороннем дружеском общении. Немалую роль сыграло при этом то обстоятельство, что итоги каждого прожитого дня обсуждались на общих сборах — «огоньках» в каждом отряде, причём — в полном соответствии с нашими рекомендациями — мнения и предложения на будущее (в частности, к конкретному плану очередных дел) высказывались сначала в звеньях, то есть при активном участии каждого делегата, независимо от его возраста.

Именно в таких обсуждениях (а также в повседневных разговорах, которые как бы продолжали сборы-«огоньки») постоянно возникал и решался применительно к каждому общему делу или организаторскому приёму вопрос о том, как использовать, присоединить, усовершенствовать «коммунарский» опыт в условиях своей, школьной пионерской дружины, в разных классах.

Исключительно важно было то, что после каникул в каждую школу вернулись 10–15 активистов, комсомольцы и пионеры, не просто разошедшиеся по своим классам, а **снова объединённые** — в совете дружины, как ближайшие помощники старшего пионервожатого, имеющие поэтому **реальную** возможность (и полномочия!) руководить дружиной и отрядами, а вместе с тем **подготовленные** на лагерном сборе — хотя ещё и в начальной степени — к такому руководству: сплотившиеся, воодушевлённые чувством «коммунарской» чести и ответственности перед коммуной и перед своей школой, охваченные желанием работать **творчески** — не за остальных пионеров, а вместе с ними, поверившие в свои силы, вооружённые первичными умениями осуществлять коллективную организаторскую деятельность, а главное — отношениями требовательного уважения друг к другу.

И там, где старший пионервожатый захотел и сумел сохранить и поддержать эти отношения, этот дух, **остался** старшим товарищем своих воспитанников по общей творческой заботе об улучшении жизни дружины и окружающей жизни, там пошла «цепная реакция» коллективного творчества.

Уроки первого лагерного сбора КЮФ сказались и в «разведке дел и друзей», с ко-

торой во многих школах района началось в апреле планирование жизни дружины на последнюю четверть учебного года, и в расширенных сборах советов дружин, составлявших планы дружинных дел, и в праздничных концертах, которыми пионерские отряды радовали взрослые коллективы во время «рейдов» и на праздничных отрядных и дружинных сборах в честь дня рождения В.И. Ленина и дня рождения пионерской организации, когда впервые вместо составленного взрослыми и отрепетированного «монтажа» сменяли друг друга **сюрпризы** звеньев, отрядов и их старших друзей.

Но самым значительным и наглядным следствием первого лагерного сбора КЮФ стала та действительно массовая творческая работа пионеров (а вместе с ними — и октябрят, и старшеклассников) **всех** фрунзенских школ, которая была проведена под непосредственным руководством «коммунаров» для подшефного сельского района. После торжественной линейки нашей Коммуны, посвящённой дню рождения В.И. Ленина, когда каждое сводное звено рапортовало об итогах этой работы, в Ефимовский район было отправлено несколько вагонов с подарками: книги, тетради, авторучки, пионерские атрибуты (купленные на средства от сданного металлолома и старой бумаги), игрушки-самоделки, настольные игры. Наглядные пособия, созданные школьниками и их старшими друзьями.

У нас были все основания предполагать, что первые успехи такого обучения пионерского актива и вожатых района, какое было проведено в первом, весеннем сборе Коммуны юных фрунзенцев, будут закреплены и развиты на следующем, летнем лагерном сборе сводной дружины.

Однако именно с этого сбора наша экспериментальная работа стала идти в иных, по сравнению с первоначальными, внутренних и внешних условиях.

Прежде всего, оказалось неудачным наше решение провести летний лагерный сбор в августе, перед началом нового учебного года, а не в июне, что было значительно легче в организационном отношении. Хотя, действительно, выбранное нами время давало возможность коммунарам в течение двух месяцев отдохнуть после учёбы и,

главное, прийти в школу сразу после лагерного сбора со «свежим» опытом, оба эти преимущества были сведены на нет обстоятельством, которое обнаружилось только перед самым отъездом на загородную базу КЮФ (в посёлке Вырица Гатчинского района Ленинградской области): в Дом пионеров пришли на общий сбор-старт вместо 300—350 только 120 школьников, причём из них лишь пятнадцать (!) были коммунарами, т.е. участниками весеннего сбора. Остальные же члены Коммуны — как объясняли нам в школах — ещё не вернулись с отдыха, и их пришлось «заменить» подростками, по тем или иным причинам оказавшимися в это время в городе.

Подавляющее большинство новичков понятия не имели о КЮФ, не являлись членами советов дружин или отрядными вожаками и думали, что едут на одну смену в **обычный** лагерь. К тому же и количество «делегатов» от пионерских дружин было на этот раз совсем иным: от одного до 5—7 человек. Почти треть школ не прислала ни одного подростка. Не лучше было и с представителями взрослых: с нами поехали в Вырицу лишь две старшие пионервожатые, из них одна только готовилась к работе в школе. Все остальные работали в профсоюзных лагерях, или находились в отпуске.

В этих условиях нашу коммуну пришлось фактически строить заново, причём на другой организационной основе. Было решено создать так называемые «профильные» отряды (которые в это время получили довольно широкое распространение в пионерских лагерях), но в отличие от обычной практики — не по интересам познавательного характера, а по основным видам общественной деятельности («заботы об улучшении окружающей жизни»), намечавшихся нами в Гатчинском районе, или, как мы говорили, «по специальностям».

Мы составили и объявили перечень таких специальностей, и перед общим сбором-стартом каждый подросток выбрал для себя наиболее привлекательную.

Наибольший интерес вызвала «Пионерская Лёгкая Кавалерия» (выпуск «живых газет», «Молний» на местном материале, выступления с концертами для колхозников и членов их семей, благоустройство сельского клуба, школы и т.п.); из записавшихся на эту специ-

альность были образованы три отряда (по 12—13 человек). Возникли также два отряда «Красных Следопытов», один — «Разведчиков Семилетки», один — «Друзей Книжки» и один — «Друзей Малышей», а всего — восемь отрядов школьников разного возраста, от пятого до восьмого класса.

На второй день после приезда в Вырицу и устройства палаточного городка, все отряды новой, «малой коммуны иных фрунзенцев» отправились походным порядком по разным маршрутам в окрестные деревни и поселки (за 5—12 километров), где в течение нескольких дней — после «тимуровской разведки» и обсуждения на отрядных сборах — «огоньках» её итогов, составив конкретный план действий в соответствии со своей «специальностью» — работали на радость и пользу местным жителям.

Так, отряд «Разведчиков Семилетки» (это гордое название объединяло двенадцать девочек VI—VII классов и меня, их старого друга) совершил пятидневный поход в посёлок Лисино-Корпус, где познакомился с жизнью учебно-опытного лесхоза и лесного техникума, участвовал в работах по благоустройству их территории, трудился в питомнике. Выходили из Вырицы школьники, мало знакомые друг с другом, приехавшие отдыхать и привыкшие, чтобы взрослые заботились о них, а возвращались совсем другими — закалёнными (впервые в жизни!) настоящей походной жизнью, открывшими незнакомый для себя мир природы и созидательного труда, вкусившими радость собственной трудовой, организаторской, моральной заботы друг о друге и об окружающих людях, гордыми преодолением всевозможных трудностей и захотевшими сообща думать над тем, как дальше улучшать жизнь свою и окружающую.

На общем сборе-«огоньке», который состоялся на берегу реки Оредеж, в окружении наших палаток, в первый же — по возвращении всех отрядов — вечер, после рассказов о каждом походе и коллективного обсуждения итогов рейда (что было хорошо — и почему? Что не удалось — и почему? Как будем жить в Коммуне дальше?) был составлен — по предложениям отрядов и нас, взрослых (вместе со мной непосредственное руководство этим лагерным сбором осуществляли Л.Г. Борисова

и Ф.Я. Шапиро) — план общих дел на оставшиеся семь дней лагерного сбора. Одним из таких дел была большая военная игра, которую мы провели в течение двух дней — причём вторая часть «боевых действий» была спланирована тоже на общем сборе-«огоньке» после обсуждения первого дня и извлечения многих практических («учиться тактике!») и нравственных («учиться честности, мужеству, взаимной заботе!») уроков.

Завершился лагерный сбор карнавалом (опять-таки с сюрпризом каждого отряда), а затем новым для нас организаторским делом: отрядными сборами, на которых по кругу говорили о каждом, о его достоинствах и недостатках, высказывая дружеские пожелания для самовоспитания.

Этот вариант общего сбора первичного или микроколлектива был «взят» нами из опыта нашего «предка» — Коммуны имени Дзержинского, описанного Антоном Семёновичем Макаренко в повести «Флаги на башнях» (эпизод встречи Игоря Чернявина с его отрядом). Мы с волнением думали, сумеют ли наши воспитанники, ещё две недели назад с возмущением встречавшие каждое критическое замечание в свой адрес, опираясь теперь на свой новый — практический, организаторский, нравственный опыт, выполнить наши напутствия: «Всю правду в глаза — и никаких обид! Пережить — и стать лучше!».

Во всех отрядах состоялся действительно откровенный и дружеский разговор. Подростки оценили своё равенство в этом разговоре: всё о каждом, без всякого деления на «начальников» и «рядовых», «старых коммунаров» и новичков, старших и младших; быстро по ходу беседы постигали необходимость не только указания на недостатки человека, но и раскрытия его достоинств, способностей, поправляя увлекшегося критикой или бравшего неправомерный, нетоварищеский тон, стыдили тех, кто «вспомнил старое» и обижался на критику («Ведь ты можешь побороть и этот свой недостаток!»), деликатно давали возможность утешить себя тем девочкам, которые не могли удержаться от слёз по поводу собственных несовершенств...

Влияние, оказанное на подростков и нас, взрослых, этими «сборами откровенными разговорами», можно было сравнить с бла-

готворным действием грозы, после которой чувствуешь себя обновлённым, дышишь так легко и привольно, ощущаешь прилив сил. Эти беседы явились самым наглядным и убедительным проявлением развивающихся у наших новых воспитанников отношений требовательного уважения друг к другу как к товарищам по общей заботе о своём коллективе и окружающей жизни.

На заключительном общем сборе-«огоньке» Коммуны, когда представители отрядов дали оценку (очень высокую) итогам летнего лагерного сбора, когда звание «коммунарный фрунзенец» было присвоено тем, кого выдвинули на отрядных сборах-откровенных разговорах (предложение о введении такого звания было внесено «старыми коммунарами» ещё перед отъездом в Вырицу), и все участники сбора, встав, спели с глубоким чувством наш, весною рождённый, коммунарский гимн, невозможно было даже самому предвзятому наблюдателю отличить тех, кто был в школе «активистом», от тех, кто попал к нам случайно и даже против своей воли (а таких, несомненно, было большинство!).

Так, в неожиданно создавшихся, новых условиях отношения творческого содружества, установленные нами с ребятами **разных** школ, **разного** возраста, привыкшими к иному характеру лагерной (и школьной) пионерской жизни, снова оказались «живой водой», которая дала подросткам те же силы, что и активистам «весеннего призыва», сделала их отношение к себе, друг к другу, к окружающим людям отношением **общественников — организаторов**.

Мы испытали радость педагогической победы ещё раз, когда в начале сентября в Дом пионеров к назначенному часу пришли почти все участники летнего сбора, встретились, как дорогие друг для друга люди...

Но уже тогда эта радость была омрачена проникнутыми горечью и недоумением рассказами многих ребят о равнодушии, с которыми встречали классные руководители попытки «юных фрунзенцев» внести коммунарский опыт в жизнь своих классов. Особенно удивило нас, что — судя по этим рассказам — старшие пионервожатые тоже не поддерживали наших энтузиастов, выражая в разной форме одну и ту же мысль: «Одно дело в коммуне, и совсем другое — в школе». Постепенно, уже

из бесед с самими вожатыми, во время посещения нами школ, выяснилось, что основной причиной охлаждения старших пионерских вожатых к нашей методике, а вслед за ними и «весенних» коммунаров-школьников («летние», в большинстве своём не входившие в состав выборного актива, вообще оказались одиночками в своих «коммунарских» усилиях), явилось отрицательное отношение к Коммуне со стороны ряда комсомольских работников и руководителей горно, передавшееся директорам школ.

В нашем сводном коллективе с его собственным девизом, законами, заповедями и т.п. была усмотрена какая-то новая **организация**, противопоставившая себя пионерской или в лучшем случае дополняющая её («Зачем вам свой девиз, когда существует общий для всех пионеров?»). И хотя отдел школ ЦК ВЛКСМ отверг предложение «закрыть» КЮФ и дал указание «не мешать проведению эксперимента», без активной заинтересованности руководителей школ в направлении на лагерные сборы и ежемесячные встречи («огоньки») Коммуны **делегатов** дружины во главе со старшим пионервожатым, а главное — в использовании опыта, приобретённого ими на этих сборах и встречах (отсутствие такой заинтересованности, как выяснилось, было главной причиной и отсутствия «весенних» коммунаров на летнем лагерном сборе). Коммуна не могла успешно выполнять все свои задачи.

Столь неблагоприятное изменение внешних условий нашего эксперимента, поставив под сомнение его практическое значение (как было принято говорить, его «отдачу»), сказалось на настроении руководителей КЮФ и привело к тому, что первый зимний и второй весенний лагерные сборы (в январе и марте 1960 года) оказались бледными копиями первоначального. Старшие пионервожатые, стоявшие во главе сводных отрядов и звеньев, явно «отбывали повинность», заражая этим отношением («Одно дело в коммуне, другое — в школе») своих воспитанников.

Но здесь мы, взрослые, получили новое доказательство, хотя и опять неожиданное, результативности нашего эксперимента. Группа старших пионеров и комсомольцев разных школ, коммунаров весеннего и лет-

него призывов, чувствуя, что дальнейшему существованию «большой» Коммуны грозит реальная опасность и слыша разговоры об этом в среде её руководителей, обратилась ко мне и Ф.Я. Шапиро с предложением (носившем скорее характер требования) обязательно провести новый летний сбор КЮФ, на этот раз в июне, но с участием только добровольцев, т.е. тех ребят, кто сам захочет быть в Коммуне.

Можем с уверенностью сказать, что именно это обращение, в котором проявилось горячее желание наших воспитанников продолжать совместную творческую работу, вера в возможности действительно нашего общего коллектива, их требовательное уважение к нам, как старшим товарищам по общему жизненно важному делу, послужило решающим доводом за дальнейшее развитие эксперимента.

На второй летний сбор, состоявшийся в июне 1960 года на Вырицкой базе, поехали восемьдесят школьников, пионеров и комсомольцев; примерно половина из них участвовала в первых сборах, а остальные были их личными друзьями.

Поскольку в составе такой, «малой», Коммуны не могло быть сводных звеньев, представителей каждой школы, то нами было принято предложение ваших воспитанников создать небольшие (из 10 — 15 человек) отряды, объединявшие коммунаров и новичков, но уже не по «специальности» (как прошлым летом), а «по дружбе».

Всего получилось шесть отрядов, в которых школы района были представлены крайне неравномерно — от одного до десяти «добровольцев»; отряды выбрали — по нашему предложению — названия «Днепр», «Кавказ», «Волга», «Урал», «Алтай» и «Сибирь», ставшие традиционными для всей дальнейшей истории КЮФ.

Впоследствии, когда мы приводили количество и состав отрядов Коммуны в соответствие с группами близко расположенных школ Фрунзенского района (всего таких групп стало восемь — по три школы в каждой), были дополнительно созданы («отпочкованием») ещё два отряда, назвавшие себя «Балтика» и «Байкал». Однако именно с лета 1960 года вся работа Коммуны юных фрунзенцев велась отрядами, ядром которых были «старые ком-

мунары», принимавшие в свой круг только тех, кто вступал с ними в дружеские отношения, проходил испытательный срок и получал от них звание «коммунар». Члены этой «малой» Коммуны не являлись **делегатами** советов дружин и школьных комсомольских организаций и за «отдачу» ими коммунарского опыта в своих школах отвечали перед Коммуной. Другой традиционной особенностью «малой» КЮФ, возникшей также летом 1960 года, было появление в её рядах нескольких взрослых — молодых людей разных профессий (не педагогов!), привлечённых Ф.Я. Шапиро в качестве инструкторов, главным образом, по туризму, но с первых же дней увлёкшихся **всей** жизнью Коммуны и быстро ставших на долгие годы — настоящими **старшими друзьями** — воспитателями школьников, пионеров и комсомольцев.

Каждый из этих взрослых — выпускники Ленинградской консерватории — Виктор Малов и Ирина Леонова, инженер Игорь Ефремов, рабочий метрополитена Вадим Лисовский, слесарь Альберт Марковский и другие — был постоянным другом одного из отрядов Коммуны, а все вместе они входили в «Совет друзей» КЮФ (или, как называли этот орган ребята, «ревком»), возглавлявшийся Ф.Я. Шапиро как методистом Дома пионеров, и вместе с Советом Коммуны руководивший её повседневной жизнью.

Показателем формирования у членов КЮФ, пионеров и комсомольцев, стремления и способности заботиться об улучшении окружающей жизни явилось развитие, усложнение тех видов трудовой деятельности, которые добровольно выбирались самими школьниками, разрабатывались и осуществлялись в каникулярное время, в дни досуга.

На первых лагерных сборах КЮФ пионеры и старшеклассники становились участниками отдельных трудовых дел (в Доме пионеров, на стройке, у шефов), которые организовывались нами по образцу коммунистических субботников, как ударные, радостные дела добровольцев.

Наглядный успех и опыт этих дел, а также первого трудового рейда «специализированных» отрядов КЮФ в поселки и деревни Гатчинского района (описанного выше), вызвал у «ветеранов» Коммуны стремление перейти к длительным трудовым опе-

рациям **комплексного** характера. Первой пробой сил стала операция «РД» (Ребятам Дворов) на весеннем лагерном сборе в марте 1961 года, когда с увлечением коммунары организовывали дворовые команды и вместе с ними устраивали подвижные игры, спартакиады, приводили в порядок спортивные площадки, благоустраивали территорию и украшали помещение красных уголков, работали книгоношами, давали концерты и т.д.

В мае 1961 года на общем сборе КЮФа обсуждался вопрос о том, что будет делать Коммуна на летних каникулах. Было несколько предложений: поехать снова в Вырицу (пригород Ленинграда), на берег Чёрного моря, на Волгу и т.п. Но **единодушно**, с огромным энтузиазмом было выбрано внесённое ревкомом (по инициативе Ф.Я. Шапиро) предложение поехать в самый отдалённый район Ленинградской области — Ефимовский и провести там комплексную трудовую операцию «РС» (Ребятам Села). Вместе с членами ревкома в Ефимовский район в качестве взрослых друзей школьников-коммунаров поехали несколько молодых московских художников и искусствоведов во главе с лауреатом Государственной премии Б.М. Неменским, откликнувшихся на наше приглашение.

Продолжая дело, начатое два года назад массовым сбором подарков, шесть отрядов КЮФ в течение двух недель осуществляли разнообразную заботу о маленьких и взрослых людях ефимовских сел: создали сводные отряды местных пионеров и вместе с ними, передавали им свой опыт, участвовали в ремонте (и украшении) школьных зданий, наглядных пособий, благоустраивали сельские клубы, оформляли выставки репродукций и готовили будущих «экскурсоводов», работали на колхозных и совхозных полях (иногда проводя ночные — «секретные» — трудовые операции), играли, пели, показывали малышам диафильмы, выступали с концертами и беседами, отметили — на рассвете 22-го июня торжественной линейкой и минутой молчания годовщину начала Великой Отечественной войны (эта операция «Мирное утро» получила в последующие годы широкое распространение), завершив лагерный сбор праздником вместе со своими «спутниками» — сводными отрядами новых друзей.

Летом следующего (1962) года каждый коммунарский отряд (их стало восемь) «взял с собой» в Ефимовский район уже свой ленинградский «спутник», сводный отряд пионерского актива нескольких школ Фрунзенского района и возглавлял в течение двух недель его комплексную работу. В этой операции «ЛЕС» (Людям Ефимовских Сёл), продолжавшей операцию «РС», участвовали под руководством коммунаров, свыше 400 человек. Здесь коммунары придумали и осуществили ещё два типа трудовых операций (впоследствии также «разошедшиеся» по всей стране): **трудо́вые десанты** (добровольное выполнение — в течение одного-двух или нескольких дней — срочных заданий колхоза, совхоза, лесничества, местного Совета и т.д. Вдали от базы коллектива с экстренным выездом или марш-броском «по тревоге») и операция, которую мы впоследствии стали называть **«Первый памятник»**: увековечение имён всех жителей деревни, села, посёлка, отдавших свою жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Одновременно с трудовыми операциями на лагерных сборах КЮФ коллективно разрабатывались, осуществлялись и обсуждались — с точки зрения их воспитательной эффективности (единство идейно-политического и нравственного, трудового и эстетического, умственного и физического воспитания), с точки зрения дальнейшего использования в жизни КЮФ и в практике школ, а также пионерских лагерей — общие творческие познавательные и спортивные дела.

На двухдневной **военной** игре, проведённой нами на первом летнем сборе КЮФ и примечательной тем, что обсуждение на общем сборе-«огоньке» первого дня «боевых действий» дало возможность преодолеть обычные для подобных игр штампы и привело к коллективному созданию нового тактического варианта, названного нами «Внимание — партизаны в тылу!».

В январе 1961 года, на втором зимнем лагерном сборе, тоже в результате совместного творчества взрослых и ребят, появилась военная игра «Схватка с диверсантами», повторявшаяся в различных вариантах и в последующие годы.

Военные игры, равно как и спартакиады разных типов, в том числе по русским на-

родным играм, стали неслучайной составной частью рейдов в Ефимовском районе; участвуя в этих делах, местные ребята брали их себе «на вооружение».

Столь же последовательно велась в КЮФ разработка таких познавательных дел, которые требовали **творческой** активности каждого участника, развивали — с помощью элементов ролевой игры, приёма «сюрпризности», а также соревнования, мышлений, фантазию, наблюдательность в **общей работе** друг о друге, о гостях своего коллектива, т.е. были, как трудовые и спортивные «операции», делами **на пользу и радость** себе и другим людям.

Первым из таких познавательных дел (впоследствии мы стали называть их делами-«обозрениями», так как в основе их лежал процесс обмена знаниями, наблюдениями, догадками, мечтами, интересами) был «Город Весёлых Мастеров», созданный нами на втором летнем лагерном сборе, в июне 1960 года, когда каждый отряд Коммуны должен был придумать себе «профессию» и жить в течение дня по её «законам», действуя на радость и пользу остальным коммунарам и друзьям нашего коллектива. Правда, этот первый опыт оказался не во всем удачным, ибо наряду с «Телестудией» в нашем городе появились, увы, и такие, не очень сознательные жители, как «ансамбль цыганской песни и пляски» или «пираты», прилетевшие на Машине Времени из далёкого прошлого, но тем более интересным оказалось обсуждение этого опыта на общем сборе-«огоньке», когда раскрывались в острой полемике и в совместном творческом поиске — богатейшие образовательные и воспитательные возможности этой ролевой игры, впоследствии использованные нами в ряде классных, школьных и лагерных коллективов.

На следующем лагерном сборе, проходившем в январе 1961 года на базе школы-интерната № 1 в г. Пушкине, были проведены — тоже по предложению научного руководителя² КЮФ — «Пушкинский суд» — литературный диспут в форме ролевой игры, в котором приняли творческое участие почти все восемьдесят участников

² Научный руководитель КЮФ — кандидат педагогических наук И.П. Иванов.

сбора, подростков и взрослых, в качестве членов шести судейских коллегий, обвиняемых (отрицательных персонажей произведений А.С. Пушкина), обвинителей, защитников, свидетелей обвинения и защиты (нами был использован при этом опыт «литературных судов» 1920-х годов, знакомый многим коммунарам по роману В. Каверина «Два капитана»), и **вечер разгаданных и неразгаданных тайн** — в варианте, с которого началась история этого, тоже удивительно ёмкого по своим возможностям, познавательного дела — обзора: предварительно в каждом отряде шёл «поиск» и отбор тайн-загадок природы, проблемных вопросов развития человека и общества в прошлом, настоящем и будущем; затем «совет дела» (получивший название «Совет мудрейших») собрал эти тайны, выбрав наиболее интересные, «опубликовал» для общего обозрения и размышления; а спустя несколько часов все коммунары вели в тесном кругу — разговор поочерёдно о каждой из тайн, желающие сообщали, что они знают и думают сами... Разным был этот разговор: в одних случаях все с восхищением слушали двух-трёх знатоков, поражавших даже нас, взрослых, своей начитанностью и сообразительностью («Что такое способности человека и как их обнаружить в раннем возрасте?»), в других — наперебой стремились дополнить друг друга («Какими будут школы будущего?»), в третьих — горячо спорили, пытались — но тщетно — убедить «противников» в своей правоте («Прилетали ли на Землю пришельцы с других планет?»).

Участие «на равных правах» в этих познавательных делах учащихся разных классов — от пятого до девятого, а также нескольких взрослых, имеющих разное — техническое и гуманитарное — образование, нисколько не препятствовало — так же как в наших организаторских, трудовых, спортивных делах — широте и глубине процесса обмена знаниями, наблюдениями, предложениями, умениями, а главное — интересами, не сковывало поиск правильных или более удачных решений. Напротив, младшие ребята (пионеры V — VII классов) своими «наивными» вопросами, своей открытой и настойчивой любознательностью, своей способностью быстро увлекаться и самозабвенно фантазировать, воодушевляли старшеклассников (и взрослых!), поднимали их в собственных глазах, побуждали мобилизовывать и проявлять

разнообразные знания, находчивость, совершенствовать умение доказывать свою правоту и опровергать «оппонентов» — и, в свою очередь, младшие воспринимали от старших серьёзное деловое отношение к обсуждаемым вопросам, учились отделять существенное от второстепенного, сравнивать факты, сопоставлять разные точки зрения, не удовлетворяться броскими, но мало убедительными доводами, **идти** к познанию **сущности** явлений.

Педагогическое руководство с нашей стороны, как ведущих и «рядовых» участников этих познавательных дел, заключалось больше всего в том, чтобы противодействовать тенденции некоторых развитых, начитанных старшеклассников просто «блистать» своей эрудицией (и, подавляя ею товарищей, тешить своё самолюбие), в том, чтобы **сообщать** **раскрывать общественное значение** разных профессий и видов деятельности (в «Городе Весёлых Мастеров»), преодоления «извечных» пороков (в «творческих „судах“-диспутах»), познания сокровенных загадок жизни (на вечерах разгаданных и неразгаданных тайн) и тем самым незаметно для наших воспитанников формировать у них то же умение и ту же привычку, что и в организаторских, трудовых, спортивных делах, — **искать и находить нужное для людей, строить перспективу** решения жизненно важных задач.

И особая роль **познавательных** дел заключалась в том, чтобы углублять и расширять диапазон и масштаб этого поиска, давать ему научную, мировоззренческую основу, связывать с процессом образования и самообразования, а выдвижение ближних и средних перспектив улучшения своей и окружающей жизни (и накопленный опыт такой заботы) соединять с осознанием **дальних** общественно важных задач. Форма ролевой игры, с удовольствием принимаемая и подростками, и их старшими друзьями, помогла нам (и воспитанникам, и воспитателям) чувствовать, представлять себя участниками Большого творческого поиска — поиска Человечеством лучших, всё более точных решений коренных вопросов жизни, участниками заботы передовых сил общества о будущем нашей планеты.

Тем самым наши познавательные дела (в единстве с другими) укрепляли и развивали **требовательное уважение** друг к другу

всех членов коллектива (в особенности старших и младших), стимулировали процесс самообразования и самовоспитания у каждого «маленького» и «большого» воспитанника, у каждого взрослого коммунара.

Об этом свидетельствовали не только картины, развертывавшиеся во время самих дел и удивлявшие даже опытных педагогов, но и их «последствие»: весь тон и характер повседневного дружеского общения коммунаров на лагерных сборах и между ними, насыщение досуга чтением научно-популярной и подлинно художественной литературы, занятиями в научных и технических, искусствоведческих кружках, добросовестное отношение к учёбе со стороны тех, кто раньше этим не отличался (по отзывам родителей к учителей школьников-коммунаров), и — далеко не в последнюю очередь — та увлечённость, с которой в Коммуне творчески использовались «старые» и разрабатывались новые познавательные дела.

«Творческий суд» и вечер разгаданных и неразгаданных тайн, получив при их обсуждении очень высокую оценку ребят и взрослых, стали одними из самых любимых на лагерных сборах КЮФ, обогащаясь — в процессе коллективного творчества — всё новыми вариантами: от творческого суда над литературными персонажами «произошли» ролевые диспуты о песне (первый «суд над песней» состоялся под руководством В.А. Малова на Ефимовском лагерном сборе в июне 1961 года), о кинофильме, а затем и «суды над злом» — над курением, ленью и т.п.; вечер разгаданных и неразгаданных тайн стал проводиться тоже по-разному, например экспромтом, когда после кратковременных совещаний по отрядам каждый из них по очереди предлагал «свою» тайну для решения (раскрытия) остальным участникам, а затем давал оценку выступлениям — в заключительном слове или «защите тайны», именно этот опыт и его обсуждения привели к появлению в жизни КЮФ других видов познавательных дел, таких как «**пресс-конференция**» (первая подобная ролевая игра — обзорная была разработана и проведена — по нашему предложению — на третьем зимнем лагерном сборе Коммуны в январе 1962 года, когда в течение двух с половиной часов, буквально промелькнувших в обстановке общей

увлечённости, делегация «посланцев с Марса», учащихся VI—X классов, отвечала на вопросы — политического, технического, педагогического, атеистического, искусствоведческого характера — всех остальных участников сбора — подростков и взрослых, выступавших на сей раз в роли представителей различных, реальных и воображаемых, газет, журналов, радио- и телецентров, советских и зарубежных), «**защита фантастических проектов**», придуманная и впервые организованная Л.Г. Борисовой летом 1962 года вместе с участниками первой олимпиады школьников в Академгородке Сибирского отделения АН СССР; «**разнобой**» — состязание (экспромтом) двух или несколько команд, задающих друг другу любые вопросы познавательного характера. В самом названии таких состязаний, «пионерами» которых в КЮФ были Анатолий Георгиевич Зуев, старший пионервожатый 309-й школы, и его младшие товарищи из отряда «Кавказ» (1962 год), отражался первоисточник — «политбой» 1920-х — начала 1930-х годов. Однако основную роль в возникновении и популярности «разнобоев» сыграло развитие познавательных интересов коммунаров, в особенности под влиянием таких дел, как вечера разгаданных и неразгаданных тайн, пресс-конференции и «творческие суды».

Опыт Коммуны юных фрунзенцев с середины 1961 года начал освещаться и получать оценку в печати [4; 5; 6].

Не особенно ценной и вдохновляющей стала для нас оценка трёхлетнего опыта КЮФ, данная журналом «Коммунист» в статье, посвящённой 40-летию Советской пионерии. В этой статье деятельность Коммуны была, по существу, признана одним из самых значительных явлений в жизни Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, прежде всего — с точки зрения практического осуществления задач **гражданского, патриотического** воспитания подростков и разработки научной методики такого воспитания, основанной не на опеке, которую навязывают иные учителя и комсорги пионерской организации и которая мешает развитию детской инициативы и самостоятельности, а на продуманном, тактичном руководстве самостоятельностью пионеров» [1, с. 75].

Представляет также интерес та оценка результатов педагогического эксперимента, проведённого на базе Коммуны юных фрунцевцев, которая дана ей М. Неймарк, видным исследователем психологии воспитания школьников. Назвав КЮФ «детской организацией», «уникальной со всех точек зрения и главным образом — по её воспитательному эффекту», М. Неймарк ставит вопрос: «Почему опыт коммуны можно назвать уникальным?» и отвечает на него так: «...коммунары не просто живут захватывающей, полезной для других жизнью — они с помощью старших строят свою жизнь на определённых научных принципах, по хорошо продуманной методике, составляющей строгую систему. При этом методика их никогда не застывает, не превращается в набор рецептов. Она развивается и становится методикой развития детского коллектива.

Опыт Фрунзенской коммуны обладает важным качеством всякого научного опыта: его можно повторить. Не случайно находки коммуны используют в работе многие пионерские отряды и комсомольские организации страны, порою даже и не зная, откуда эти находки пришли: патентов за педагогические открытия не бывает» [3, с. 170 — 171].

В этой высокой оценке, к сожалению, неточно выражена сущность «научного опыта», строившегося во Фрунзенской Коммуне, — характер тех объективных воспитательных отношений, которые были основой всей жизни КЮФ, с первых шагов её организации. «Старшие» в Коммуне не просто помогали «коммунарам» (т.е. ребятам) строить свою жизнь, «на определённых научных принципах», они были ведущими участниками этого процесса, а Коммуна была не «детским коллективом», а единым коллективом взрослых (воспитателей) и воспитанников разных поколений.

Хотя наша экспериментальная работа в КЮФе была закончена осенью 1962 года, её последствие продолжалось долгие годы: вся последующая, насыщенная огромной многообразной деятельностью, жизнь этого коллектива, шедшая под руководством Ф.Я. Шапиро, А.Г. Зуева, М.Г. Казакиной и других педагогов-энтузиастов, явилась свидетельством эффективности той системы воспитательных отношений,

благодаря которой первые поколения кюфовцев на собственном опыте приобщались к высоким нравственным образцам, развивали у себя — под воздействием (чаще всего незаметным) взрослых — гражданские мотивы и творческие способности и, в свою очередь, стали организаторами и наставниками пионерских активистов новых поколений [7, 160 — 162].

Доказательством жизнестойкости системы воспитательных отношений и методики, на которых была основана Коммуна юных фрунцевцев, послужило не только дальнейшее развитие КЮФ после завершения на её базе нашей экспериментальной работы, но и распространение нашего опыта в масштабе страны.

После изучения сотрудником «Комсомольской Правды» С. Соловейчиком жизни КЮФ и опубликования статьи «Фрунзенская коммуна» [5], эта газета, орган ЦК ВЛКСМ, 24-го января 1962 года объявила о создании заочного «Клуба юных коммунаров» («КЮК») и призвала комсомольцев-старшеклассников, учеников ремесленных и технических училищ создавать секции этого клуба из первичных комсомольских организаций — групп, классов.

Летом 1962 года во Всероссийский пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орлёнок» были направлены на смену — сорок дней — 50 представителей лучших секций клуба юных коммунаров, возникших и действовавших в школах разных городов Союза: в Москве и Белебее, Ленинграде и Киеве, Магнитогорске и Шуче, Барнауле и Кольчугине, Орше и Злочеве...

В три сводных отряда «юных коммунаров», назвавших себя «Труд», «Свобода», «Братство», были включены и восемь посланцев КЮФ: шестеро комсомольцев-школьников и два члена «Совета друзей» — Виктор Малов и Ирина Леонова, оба музыканты по профессии, но за два года (с июня 1960 года) накопившие богатый опыт педагогической работы с подростками на основе отношений творческого содружества с ними.

Третьим руководителем сводных отрядов стала вскоре Л. Шалимова, педагог-пионерработник из Новосибирска, по собственной инициативе приехавшая в Ленинград на зимний лагерный сбор КЮФ

в январе 1962 года и тогда же вошедшая в круг друзей нашего коллектива.

«Фрунзенцы», как и предполагалось, стали ядром сводных отрядов, которые быстро овладели — на собственном опыте — основными звеньями нашей методики и в течение сорока дней жили полнокровной творческой жизнью.

В новом, 1962/63 учебном году, число секций КЮФ быстро росло, и летом 1963 года в «Орлёнок» съехалось со всех концов страны — по путёвкам ЦК ВЛКСМ — уже 500 делегатов этих секций, в основном члены комитетов комсомола школ и комсоров групп; в течение сорока дней этот сводный коллектив, руководимый Виктором Маловым и несколькими его товарищами по КЮФ, проходил «школу» творческого содружества, чтобы разнести её уроки в свои школьные комсомольские организации.

Как явствует уже из этого крайне сжатого описания, благодаря смелым и настойчивым действиям «Комсомольской Правды», наша методика, проверявшаяся и развивавшаяся в Коммуне юных фрунзенцев как в сводном коллективе **пионерского** актива и его старших друзей, оказалась приемлемой и желанной для коллективов **комсомольцев-старшеклассников**, охотно взявших «на вооружение» и систему коллективного планирования, и общие сборы «огоньки», и советы дела, и разнообразные — трудовые, спортивные, познавательные — творческие дела, от «рейдов» и «десантов» до «пресс-конференций» и вечеров «Шип-шип» (шуток и пародий, шалостей и проказ).

Тогдашние руководители «Орлёнка» использовали все эти средства для обучения и воспитания как активистов-пионеров, так и вожakov школьных комсомольских организаций ежегодно съезжавшихся в свою «Всероссийскую школу», названную в одной из статей «Комсомольской Правды» «Умной сказкой орлят» [2].

К сожалению, из-за отсутствия в самом «Орлёнке» должного научно-педагогического руководства этой работой и частой смены кадров вожатов, привозивших с собой «привычный» опыт чрезмерной опеки над подростками, нередко происходило вытеснение этим опытом отношений твор-

ческого содружества, созданных летом 1962 и 1963 годов, некоторые из наших дел и приёмов теряли свою сущность, превращались — сохраняя название — в «воспитательные мероприятия» для пионеров и комсомольцев. Так, коллективное создание плана жизни лагерной дружины — без массовой «разведки дел и друзей» стало сводиться порой к высказыванию представителей отрядов тех предложений, которые «распределялись» между отрядами из заранее составленного руководством лагеря перечня; общие сборы «огоньки» стали всё чаще использоваться, по преимуществу, для бесед вожатов с пионерами (или — в комсомольских отрядах — со старшеклассниками) и «развлекательной» части; в «советы дел», нередко отождествляемые с «творческими объединениями», стали входить одни и те же активисты; «сборы — откровенные разговоры» иногда превращались в «разборы» недостатков «провинившихся» подростков и т.п.

Но все эти отдельные искажения нашей методической системы подтверждали — от противного — то же, что и положительный опыт (а именно он был главным источником энтузиазма, с которым, как правило, возвращались из «Орлёнка» и начинали действовать в своих школах комсомольцы и пионеры): первичное значение отношений взрослых (в первую очередь педагогов) к воспитанникам как, прежде всего, к товарищам по решению **общих** жизненно важных задач.

Напротив, когда секции КЮК — комсомольские группы и объединения комсомольского актива — оказывались в общественной, внеучебной деятельности без педагогической заботы со стороны взрослых, как старших товарищей по этой деятельности, они не могли избежать методических ошибок, о которых говорилось выше применительно к «Орленку», и допускали новые огрехи: начинали чувствовать и выражать своё «превосходство» по отношению к массе комсомольцев-старшеклассников, увлекались проведением собственных трудовых рейдов, десантов и т.п. Именно эти недостатки и побудили «Комсомольскую Правду» — по предложению ЦК ВЛКСМ — превратить КЮК в заочный клуб «Алый Парус», действующий на тех же началах — творческой заботы об улучшении своей и окружающей жизни.

Однако — и это самое важное с точки зрения результативности нашей экспериментальной работы в КЮФе — её опыт используется до сих пор не только «Орлёнком» и клубом «Алый Парус», оказывая — через них — влияние на всё новые и новые поколения комсомольцев-школьников, но и сотнями молодых комсомольских и пионерских работников, прошедших несколько лет назад «Коммунарскую школу» и ставших теперь старшими пионервожатыми, организаторами внеклассной и внешкольной работы, руководителями районных и городских — пионерских и комсомольских — штабов, «комиссарами» загородных лагерей и постоянно действующих объединений «трудных» подростков, а также «простыми» вожатыми-общественниками, отдающими ребятам своё свободное время и свои творческие силы.

Группы таких энтузиастов продолжают действовать, например, в Москве, Перми, Горловке, Петрозаводске и других городах, регулярно, 2–3 раза в год, посылая своих представителей на «коммунарские сборы» для обмена опытом и разработки новых планов улучшения воспитательной работы с подростками.

Одни из этих групп работают непосредственно при городских или областных ко-

митетах комсомола и руководят «школами» комсомольского актива учащихся, другие действуют на базе внешкольных учреждений, объединяя вокруг себя подростков из окружающих общеобразовательных школ, профтехучилищ, промышленных предприятий.

Список использованных источников:

1. Дмитриевский В. Школа воспитания юных ленинцев. К 40-летию пионерской организации имени В.И. Ленина // Коммунист. — 1962. — № 7.
2. Малов В., Балашкова Л. Мы живём не помаленьку // Комсомольская жизнь. — 1963. — № 5–6.
3. Неймарк М.С. Послесловие к книге «Фрунзенская Коммуна». — М.: «Детская литература», 1969.
4. Региня Л. Искры // Смена. 1961. 16 июля.
5. Соловейчик. Фрунзенская Коммуна // Комсом. Правда. 1962. 10 янв.
6. Трудными и смелыми путями. КЮФ // Вожатый. — 1962. — № 5. — С. 16–21.
7. Шапиро Ф.Я. Коммуна юных фрунзенцев и её воздействие на личность воспитанника // О некоторых вопросах нравственного воспитания детей и подростков. — М.: Изд-во «Советская Россия», 1970.